

ФОТОРЕПОРТАЖ ИГОРЯ АКИМОВА

Масленица в Красногвардейском районе

Файна Ильинична Рохина, на стене — портрет Нуреева.

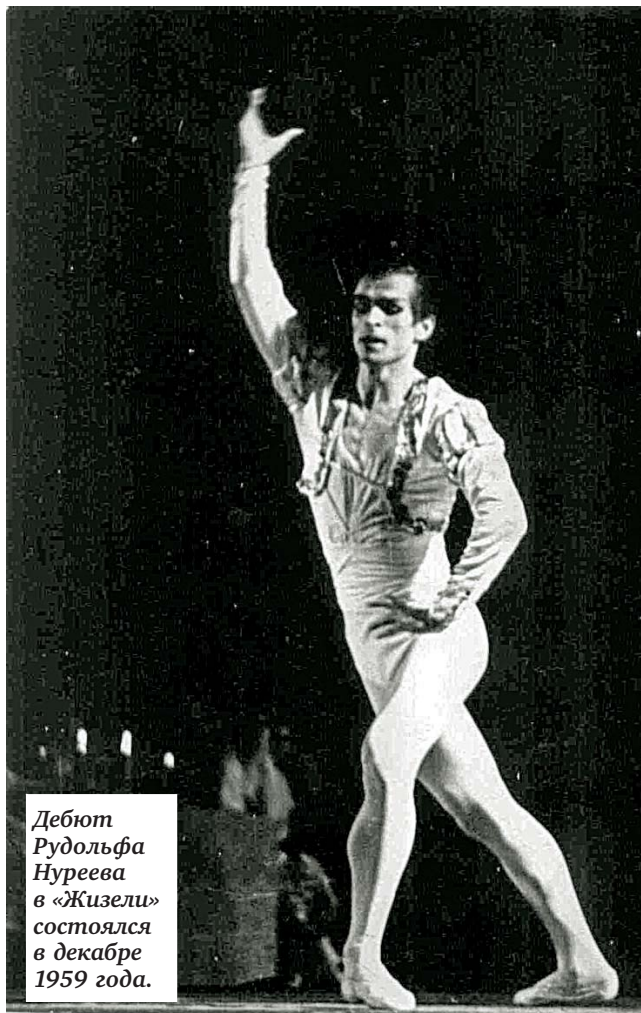
ФАЙНА ИЛЬИНИЧНА вспоминает, как впервые увидела его на сцене Кировского театра:

— Это было в 1957-м. Рудик учился в предвыпускном классе и вместе со своей соученицей Аллой Сизовой танцевал па-де-де Дианы и Актеона. Я ничего не запомнила — видимо, выступление не произвело на меня никакого впечатления. В следующем году, когда он уже заканчивал училище, мне позвонила моя коллега Галина Ивановна Пальшина и сообщила, что родился геней. Галина Ивановна вела дневник — вот что она написала после выпускного спектакля:

«19 июня 1958 г. Выпускной! Впечатление ошеломляющее. Первый прыжок в «Корсаре» — прыжок барса: сильный, мягкий. Вариация Армена (с факелами) — бешеные вращения, вихревые. Казалось, на следующее утро он должен проснуться знаменитым, весь город должен знать его имя. После конца вышел возбужденный, счастливейший, смущенный. Волосы лезут на глаза. Чемоданчик (без ручки) поминутно раскрывается, в руках скромный букетик цветов».

— Вы были в театре в этот день? — Я была на втором выпускном вечере — и увидела мальчишку с темпераментом... Но чуда не ощутила. Может, из-за того, что слишком его ждала.

— А что потом? — Первой его большой партией на сцене Кировского театра стал Фрондо-со в «Лауренсии». Этого спектакля ждали — недавний выпускник должен был явиться в одной из наиболее сложных ролей мужского репертуара. Многие еще помнили великолепного исполнителя этой роли Вахтанга Чабукиани, блистал в ней и тогдашний премьер труппы Борис Бреговдзе. Но главной сенсацией было то, что с мальчишкой, вчерашним выпускником, решила танцевать сама Наталия Дудинская. После «Лауренсии» я старалась не пропускать ни одного его выхода. Мужественный Фрондо-со, потом Армен в «Гаяне» — возникло даже впечатление, что Рудольф рожден для партий как раз такого вот, героического, характера. Так что дебют в «Жизели», состоявшийся в декабре 1959-го, для меня был неожиданным — считалось, что лирический граф его данным не соответствовал. Однако я ошиблась. Именно этот спектакль сделал меня поклонницей Рудольфа на всю жизнь. Кстати, для «Жизели» и потом для «Баядерки» Рудольф возжелал других костюмов. Помню, после «Жизели» одна моя служивка, у которой сын работал в хордебалете Кировского, сказала: «Вы себе не представляете, какой это нахал — такого нахала театр еще не видел. Он принес в красивый цех маленький кусочек серой тряпочки и сказал, чтобы ему сделали трико именно этого тона, причем к завтрашнему дню. Сам Сергеев себе подобного не позволял!» Должна ска-

Дебют Рудольфа Нуреева в «Жизели» состоялся в декабре 1959 года.

зать, что столь красивого костюма — бледно-коричневый колет и серые трико — я не видела ни у кого.

Из дневника Г. И. Пальшиной:

«22 ноября 1959 г. — «Баядерка». Ропот восторга на выходе во 2-м акте. <...> В 3-м действии потерял туфлю. По образу это лучший его балет. Чувствует себя свободнее. Удивительно красивые руки».

«3 июля 1960 г. — «Жизель». Совершенно изумителен в 1-м действии, хорошо внешне, ведет себя умно, уже нет ничего щенячьего, зеленого, смешного. <...> Ожидали после спектакля. Говорили ему о костюме, что надо удлинить жакет, что об этом много разговоров. На это ответил: «Пусть говорят, артист должен быть выше». Если заставят переделать костюм, то не будет танцевать «Жизель», таков его принцип и убеждение. Говорил, что имеет только два костюма в «Баядерке» и в «Жизели», остальные балеты танцует в «обноскодах».

— А вы с Рудольфом познакомились?

— Нет, я никогда к нему не подходила. Хотя всегда оставалась после спектакля и ждала у служебного подъезда. Я вообще считала, что с артистами знакомиться не надо. Помимо прочего я была все-таки солидная уже дама, а он мальчишка...

«Барс» в серой вельветовой курточке

17 МАРТА ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУДОЛЬФА НУРЕЕВА

Своим искусством он доводил до экстаза, своей прямоотой и независимостью порою подавлял и раздражал. Его называли богом танца, священным чудовищем, в нем сочетались дикое дионисийство и красота Аполлона. Он торопился жить, и, говорят, его любимым изречением было «никогда не оглядывайся назад». Но все же нарушим эту заповедь, взгляды в прошлое глазами Файны Ильиничны РОХИНОЙ, служившей в Библиотеке Академии наук. Балетоманский ее стаж начался в 1938-м — девочкой-подростком она побывала на премьере балета «Сердце гор» с Вахангом Чабукиани и влюбилась в танцовщика. В том же 1938-м в купе транссибирского экспресса на свет появился мальчик, названный Рудольфом. До начала его балетной славы оставалось 20 лет.

— Как он тогда выглядел?

— Он совершенно не пижонил, одевался скромно и, я бы даже сказала, бедно — ходил в одной и той же серой вельветовой курточке. И вот за этим простым парнишкой потянулись тучи поклонников — даже группировки возникли. Одной группе казалось, что он отдает предпочтение другой. Прошел даже как-то слух, что на одном спектакле ему собираются бросить на сцену веник. Это неприятная история, о которой мне не хочется вспоминать...

— Что это был за спектакль?

— На самом деле никакого веника не было. Это был концерт, программу которого готовили для поездки в Париж. Во втором отделении предполагался акт «Запорожской Сечи» из балета Б. Фенстера «Тарас Бульба». Я смотрю на сцену: вместо Андрия — Бреговдзе выходит какой-то худенький танцовщик в широченных шароварах, в которых он просто потонул. Не могу понять, кто танцует, не узнаю. Потом все-таки поняла — Рудик. Как выяснилось, он был на-

значен дублером Бреговдзе в гастрольной поездке и прямо в антракте разучил партию Андрия. Олег Соколов — Остап — подсказывал ему порядок движений. Рудольф не спускал с Олега глаз и при этом станцевать умудрился блестяще. На календаре было 30 апреля 1961 года. В следующий раз Нуреев появился на этой сцене 28 лет спустя.

— Как вы узнали о том, что он остался на Западе?

— Летом 1961-го Кировский уехал на гастроли в Париж и Лондон, а у нас выступал «Ковент-Гарден». Мне позвонила приятельница: «Говорят, что Рудик остался». Я сначала не поверила — бросилась слушать «вражеские голоса», и, несмотря на помехи и глушения, мы смогли разобрать бесконечно повторяющиеся в эфире имя Нуреева. Кажется, я и сейчас заплачу...

— Как же вы тогда справились с этой болью?

— Через близкую подругу Нуреева Тамару Закржевскую я познакомилась с Ксенией Иосифовной Юргенсон, женой Александра Ивановича Пушкина, который был педагогом Рудольфа. Познакомилась и с Любовью Мясниковой, к которой Рудик очень тянулся, — она происходила из чрезвычайно образованной семьи, и ему хотелось стать своим в этой среде. Утешалась разговорами с ними, кроме того, доставала материалы о нем, просила девочек из спецхрана БАН сообщать мне обо всех изданиях, в которых упоминалось имя Нуреева, переводила с английского публикации, которые оказывались мне доступны, фиксировала упоминания о каждом его выступлении.

— Вы собрали все о нем напечатанное. А ваш огромный архив фотографий (отчасти вошедший в две книги о Нурееве, изданные при вашем участии) — откуда он?

— Еще когда Рудольф был в Ленинграде, моя приятельница Люся Никольна устроилась лаборанткой в фототелел Кировского театра — так я получила доступ к официальным фотографиям, исполненным Ефраимом Лесным. Кроме того, у меня есть все снимки, сделанные монтировщиком театра и заодно фотолюбителем Володи Корольковым. Насколько я знаю, он немножко этими снимками приторговывал. Когда же стало понятно, что на них уже не только не заработаешь, но можешь слишком много потерять, Володя решил все негативы выбросить. К счастью, одна моя знакомая их у него выкупила — за пять тогдашних рублей. От нее эти не-

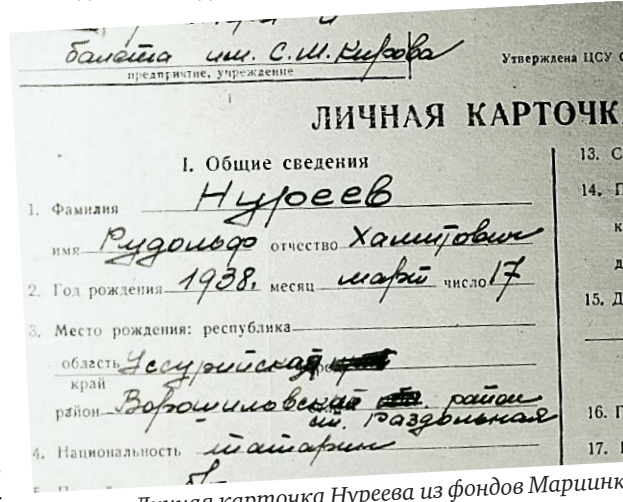

Рудольфа Нуреева называют самым выдающимся танцовщиком XX века.

гативы попали ко мне, и я освоила новое для меня дело — фотопечать.

— А не страшно было заниматься невозражением?

— Страшно. Но я все равно считала, что делать это должна.

Личная карточка Нуреева из фондов Маршанки.

это был последний приезд, совпавший с днем его рождения, отмечать который намечались у Любы Мясниковой. Рудольф тогда увлекся дирижированием. Люба мне предложила: «Если хочешь его поздравить и вручить подарок, приходи». Я пришла, в качестве подарка привезла пачку книг по дирижированию. Вошел Рудольф, я принялась вручать ему эти книги, а он, глядя на меня, произнес: «Извините, не могу вас вспомнить». Я сказала: «Рудик, не напрягайтесь, вы меня никогда и не знали. Я просто ваша старая поклонница и очень рада, что сейчас могу вас поздравить». Он уже очень плохо себя чувствовал, выглядел неважно. Сразу же лег на диван и лежал, пока собирались гости.

— О чем вы разговаривали?

— Подошла Кургапкина, появился Джером Роббинс, они пригляделись что-то обсуждали, Рудольф переводил, а я просто сидела рядом. Потом, когда все пошло к столу, я стала одеваться и ушла. Мне предлагали остаться, но как-то неловко было. Да и ни к чему — кто я такая?

— Файна Ильинична, как вы относитесь к тому, что фамилию «Нуреев» все чаще превращают в «Нуриев»?

— Вы знаете, меня очень расстраивает, когда я читаю «Нуриев». Никогда — ни в программах, ни в афишах, ни в документах — фамилия Рудольфа так не писалась. Он всегда был Нуреев. Может быть, это пошло от того, что на слуху было имя первого секретаря Башкирского обкома партии, потом члена ЦК КПСС Зии Нуриева. На Западе принято было писать «Nureyev» — к нам фамилия вернулась как бы в обратном переводе, но и в английском варианте она произносится как «Нуреев».

В начале своей карьеры артист совершенно не пижонил, одевался очень скромно.